

А.В. Малева

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

**Антитеза как способ поэтического осмысления мира
лирической героини А. Мишариной и А. Ельцовой***

Аннотация: Женская лирика – достаточно яркое и значимое явление в современной коми поэзии. В статье впервые проводится сопоставительный анализ творчества рассматриваемых поэтесс – авторов разных поколений. В ходе анализа выявляются особенности антитетичности поэтического мышления и функциональная значимость приема антитезы.

Feminine lyrics is rather a bright and significant phenomenon in the modern Komi poetry. The present paper is the first comparative analysis of the works by the poetesses of different generations. The analysis reveals the antithetic features of poetic thinking and the functional significance of antithesis as an artistic device in poetry

Ключевые слова: современная поэзия, женская лирика, лирическая героиня, антитетичность, антитеза.

Modern poetry, feminine lyrics, lyrical heroine, antithesis, antitheticity.

УДК: 821.511.132-14

Контактная информация: Сыктывкар, Коммунистическая 26. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Тел. (8212) 576193. E-mail: malana84@mail.ru.

Антитеза как древнейший художественный прием отражает онтологическое свойство человеческого сознания, которому свойственно воспринимать мир дуально: либо в диссонирующих оппозициях, либо в неразложимом единстве его контрастов. Общеизвестным является тот факт, что «всё, доступное человеческому восприятию, было разделено людьми на противоположности» [Зорин, 2012], а единство и борьба противоположностей является главным свойством материального мира и человеческого сознания. Антитеза как художественный прием встречается в творчестве каждого автора, однако из локального художественного приема она может перерасти «в мировоззренческий гносеологический феномен» [Песков, Турбин, 1981, с. 33–34; Горланов, 2010]. Так, в коми женской поэзии способом миропознания в лирике А. Мишариной и А. Ельцовой становится антитетичность¹: «в творчестве многих писателей антитеза и антитетичность вырастают в принцип поэтики и мышления» [Зарецкая, 2002].

А. Мишарина (г.р. 1946) – поэтесса, вошедшая в литературу в 60-е гг. XX в., по праву считается основоположницей коми женской поэзии. Лирика А. Ельцовой (г.р. 1979) ознаменовала своим появлением коми поэзию 90-х гг., тем не менее поэтика их творчества обнаруживает много общего: их объединяет обращение

* Публикация подготовлена в рамках проекта программ Президиума РАН № 12 – П – 6 – 1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

¹ Антитетичность в лирике А. Ельцовой отмечает и коми литературовед Т. Л. Кузнецова [Кузнецова, 2003, с. 111].

к традиционной – строго упорядоченной, рифмованной – форме стиха¹ и к приему антитезы как к доминирующему способу воплощения собственных представлений о мире. В основе антитезы обеих поэтесс лежит своеобразная структурированность их поэтического мышления, которая находит выражение также и в таких особенностях речевого поведения их лирической героини, как прямо-оценочная характеристика действительности, информативность и склонность к рационализации эмоционального переживания – все в совокупности рождает ощущение убедительности и неоспоримости их поэтических утверждений. Лирика поэтесс представляет собой не столько поиск истины, сколько – утверждение уже готовых формул-ценностей, выражающих сложившуюся на данный момент неизменную жизненную позицию. Однако, при всей близости художественных особенностей, жизненная позиция в лирике поэтесс существенно различается. Так, если героиня А. Мишариной видит гармонию в ценности самой земной жизни, то героиней А. Ельцовой существование гармонии на земле однозначно отрицается. В силу данной полярности мировосприятия антитеза в лирике поэтесс будет иметь различную функциональную значимость.

А. Мишарина – автор восьми поэтических сборников². Период активизации ее лирики – 60–80е гг. XX в. – характеризуется исследователями как новый этап в истории коми советской поэзии, время ее расцвета, как в качественном, так и в количественном отношении [Бараков, 2004; Ванеев, Демин, 1981, с. 168]. Мир героини в ранней лирике поэтессы насыщен красочными и солнечными оттенками, он «бесконфликтен»³ – ценностные аспекты миропонимания пока еще находятся под влиянием оптимизма советского мышления: «...Коми поэзия осознает свою высокую миссию в нравственном воспитании человека»; «...Поднялось понимание гуманистической сущности поэзии... <...> При этом не снизились гражданский пафос и общественное звучание лирики... <...> ...Переход от риторики к эмоциональности не мог осуществляться молниеносно и безболезненно... требовалась известная психологическая перестройка» [Ванеев, Демин, 1981, с. 191; 177]. А. Мишарина на тот момент была молодым, начинающим автором, а потому глубокой психологической перестройки для нее не требовалось, однако воспевание сельских будней, преподавательской деятельности, нравственных составляющих внутреннего мира людей, даже мук любви – обобщенно и целостно, в светлых красках воссозданная жизнь общества в лирике поэтессы пока что более ценностна, нежели собственный внутренний мир. Все это находит свои формы выражения – многочисленные воодушевленные восклицания; обращения (призывы, пожелания, поучения); образы-портреты людей-авторитетов (стихи-посвящения), некоторая пафосность в оценке действительности, преобладание облика внешнего мира над лирической исповедальностью (доминирующая позиция наблюдателя, повествователя, представителя всего человечества), а также адресат в лице всего народа зачастую формируют образ героини – активной соучастницы жизни окружающего мира. Неслучайно сознание советского человека определяют как «двойное»: «советский человек имеет “двойное” сознание – ин-

¹ «К поэтам-традиционалистам относят признанных мастеров традиционных форм и поэтического слова, блестяще владеющих техникой стиха и часто пользующихся рифмой и устоявшейся метрикой... <...> Отличительные черты, присущие поэтам-традиционалистам: точность описаний, реалистичность...» [Спэнкерен].

² «Тэ менам – кок ув му» («Ты – моя родина», 1977), «Войвывса дзоридз» («Северный цветок», 1980), «Коми муёй, сьёлмшёрёй» («Земля моя коми», 1981), «Быдмам войвылын» («Растем на Севере», 1987), «Рытъя сёрни» («Вечерние беседы», 1991), «Сьёлм дой» («Боль сердца», 1996), «Машалы козин» («Подарок Маше», 2001), «Шань сьёлмён сыла» («Пою от сердца доброго», 2005).

³ Характеристика коми писателем Г. Юшковым особенностей коми литературы 50–60-х гг.: «От писателей исходило розовое изображение жизни» [Юшков, 1961].

дидуальное и коллективное. В индивидуальном сознании он осознает себя как личность, ответственную за свои действия... а в коллективном – как часть общего (коллектива, общины, народа, Вселенной...)» [Попов, 1992]. Однако следует заметить, что внимание поэтессы сосредоточено на непреходящих формах гармонии земной жизни, заключенных в будничном, ежедневном, протекающем на данный момент, повторяющемся, на которое и стремится обратить внимание читателя чуткая, наблюдательная, сопереживающая, наделенная обостренным чувством справедливости лирическая героиня. Некоторые элементы «громкости» поэтики, таким образом, сочетаются с «тихим», по-женски эмоционально-восторженным любованием земной жизнью и утверждением ее ценности. Статичные, незыблемые основы миропонимания героини в ранний период творчества поэтессы обуславливают обращение к приему антитезы, которая выполняет в этот период в большей степени композиционную функцию, функцию поэтического конструирования картины мира. Прием не только традиционно выступает как средство самохарактеристики и характеристики Другого («Мен око́та бо́рдны, / Но син дорой кос» – «Мне хочется плакать, / Но глаза сухие»; «Кодко́ тольсь, кодко́ шонді, / Кодко́ энэж, кодко́ кодзув» – «Кто-то месяц, кто-то солнце, / Кто-то небо, кто-то звезда») или воссоздает романтическое столкновение веры, желания, мечты, отношения к объекту и противоречивой реальности («Сувтны эсько́ пельсьо́н» – «Стать бы мне рябиною», «Мыйко́ око́та меліо́с шуны...» – «Что-то ласковое хочется сказать...», 1977; «Мыла сьылан» – «Мелодичная песня», «Тэныд» – «Тебе», 1980; «Плены́н вёвлём врачлы» – «Врачу, бывшему в плену», 1991), но становится основным способом утверждения диалектичности мироустройства и психологической жизни человека: «Ставыс вежсьо́, оло́мыс оз сулав, / Кодко́ ловзьо́, кодко́ и, дерт, куло́, / Быдторлы тай воё аслас кад» – «Все меняется, жизнь на месте не стоит, / Кто-то обретает жизнь, кто-то же теряет, / Всему – свое время» («Вежсьо́м» – «Изменения», 1977).

Диалектичность внешней – событийной – и внутренней жизни человека находит выражение в непредвиденных поворотах событий, на которых строится почти каждое стихотворение. Так, в стихотворении «Виччысьто́м то́в» («Нежданная зима», 1977) проводится параллель между резкой сменой погоды и поступком человека на примере молодой девушки, неожиданно для всех вышедшей замуж. Эффект новеллистической неожиданности присутствует и в юмористическом поэтическом рассказе «Отпускын» («В отпуске», 1980), в котором желание приехать в село писать стихи обернулось вынужденной сельской работой по просьбе мамы. В стихотворении «Е́ртлы» («Другу», 1980) две последние строки разрушают развиваемую на протяжении всего поэтического текста мысль о душевной близости с человеком, с которым многое было пережито вместе: «И кыз нё тэнад / гаж весиг оз быр?» («И как же так ты / даже не соскучилась?»). Если в лирике А. Ельцовой антитеза, в основе которой – нереализованность мечты, формирует трагические нотки, то в лирике А. Мишариной трагическое «преодолевается» особенностями ее мироотношения: в ее понимании, жизнь изначально противоречива. К примеру, в стихотворении «Рёмпёштан ко́дь шыльы́д» («Гладкий, словно зеркало», 1980) на примере изменчивой и непостоянной погоды, когда с вечера готовишь одну одежду, а утром приходится искать другую, показана естественная закономерность жизни, отрицая которую, вряд ли что-нибудь изменишь, а потому непогода воспринимается героиней как данность одной из сторон жизни, преломляясь в позитивное ее «приятие». Признание диалектичности мироустройства – основной жизненный стержень и источник оптимизма лирической героини А. Мишариной. И в этом понимании антитеза в лирике поэтессы в буквальном смысле «перерастает» саму себя, свою сущность: как бы парадоксально это ни звучало, но антитеза начинает выполнять не столько функцию противопоставления, сколько функцию единения и примирения, раскрывая целостность внутреннего мира лирической героини с ее потребностью объединять, взаимосвязывать,

гармонизировать все в окружающем мире. Показательно в этом отношении стихотворение «Медым ывлаыс кӧ букыд...» («Даже если на улице пасмурно...», 1977), в котором хмурый и серый городской пейзаж не противопоставляется солнечной деревне и не вызывает ощущение дисгармонии в душе героини. Невзрачность внешнего облика городского пространства (в данном случае плохая погода) не становится в лирике поэтессы причиной для конфликтной ситуации. Героиня не находит в климатических и других внешних особенностях города причины для его порицания в сравнении с горячо любимым ею родным селом, а потому образ Сыктывкара не приобретает в лирике поэтессы черты антогонистического пространства: он также характеризуется как «горт» («дом»), «ас» («свой»), в то время как в лирике современных авторов устойчива тенденция его противопоставления малой родине. Функцию единения антитеза выполняет также и в таких стихотворениях, в которых героиня оправдывает чужие недостатки. Так, в стихотворении «Усыыс лымйыс оз шедӧдчы киӧ...» («Падающий снег не попадает в руки...», 1977) казалось бы обыкновенная реакция на обиду – противодействие обидчику – неожиданным для читателя способом перерастает в его оправдание: «Ме и ачым ӧд кодыськӧ пышъя, / Сидзкӧ, мыжавны тӧнӧ ог кут» («Я ведь и сама тоже от кого-то бегу, / А потому винить тебя не стану»).

Антитеза в лирике А. Мишариной позволяет выявить такую индивидуальную черту характера ее лирической героини как склонность к пространным размышлениям и рассуждениям, ее готовность сталкиваться с непознанным и осмысливать его в позитивном русле, ее далекую от консерватизма экстравертную открытость миру. А потому мы наблюдаем, что данный стилистический прием зачастую воссоздает спор, столкновение разных идей и точек зрения на одну проблему. Спор представлен не столько как конфликт, сколько как путь к истине, который непременно заканчивается примирением и единогласием: зарождающиеся дилеммы каждый раз находят в лирике поэтессы разрешение, раскрывая ее попытку свести все в мирное русло («Тэ тӧрыт шуин...» – «Ты вчера сказал...», 1991). Антитеза в таких случаях воссоздает резкие переходы между спором и примирением, что и раскрывает на конкретном примере диалектику сложной человеческой жизни. Неслучайно в данном аспекте мы можем наблюдать прием тройной антитезы, когда мысль, противоположная первой также получает свое столкновение с новой – третьей, как в стихотворениях «Олӧм» («Жизнь», 1991), «Ме эг эскыв...» («Я не верила...», 1991) и др.

Если в ранней лирике А. Мишариной прием антитезы в большей степени является способом поэтического конструирования объективной реальности, средством воссоздания внешних закономерно-объективных событий, происходящих в жизни, то в более поздней лирике прием «интровертируется» – он акцентирует уже более личностные моменты, воплощая в себе организацию внутреннего мира уже самой лирической героини, что связано с ее переосмыслением многих былых утверждаемых на протяжении долгой жизни ценностей, с крушением былого миропонимания. Антитеза в лирике поэтессы начинает знаменовать появление внутренних конфликтов, берущих свое начало во внешних – общественных, так как ее внимание все больше сосредотачивается на проблемах современной действительности. Поэтому воодушевленные, полные вдохновения восклицания постепенно сменяются задушевной и задумчивой беседой, непреклонность и уверенность в тех или иных жизненных постулатах – растерянностью, сомнениями, недоумением и даже разочарованием, неиссякаемая любовь к жизни от нереализованности и безответности со стороны мира перерастает в боль сердца: «Мыйкӧ вежсьӧма нин, / Лоӧма со мекӧд. / Босьтлас гажтӧм, / Сэсся ыркылан и вунан» – «Что-то изменилось, / Сталось вдруг со мною. / Загрущу, / Затем отойдет и забуду вновь» («Кутшӧм дыр нин...» – «Как уж долго...», 1996). Антитеза начинает выполнять традиционную функцию сопоставления и противопоставления:

Мый «Ураһн!» муніс Өні няйтө суніс. («Кузь нэма дженьыд мөвпьяс», 1991)	Что в прошлом было «На Ура!» Сейчас погрязло в грязи. («Краткие мысли долгой жизни», 1991)
---	---

Шонді вөлі югыд, Быд морт торья шань. Өні ставыс гуга Лоис, шондібан. («Шонді вөлі югыд...», 1996)	Солнце было ярким, Каждый человек – особенно приветлив. Сейчас же все наоборот Стало, жаль. («Солнце было ярким...», 1991)
--	--

Лирика другой известной коми поэтессы Алены Ельцовой сразу привлекла внимание исследователей, которые отмечают глубоко минорную тональность ее стихотворений и лишь ее героине присущую особую меланхоличность и скорбность. Не один исследователь отмечает, что юный автор выражает достаточно взрослые переживания. Условно творчество молодой поэтессы можно было бы назвать «лирика-тоска» – тоска по неосуществленному, по быстротечному ускользаемому, по необретаемому, по невоплощенному совершенному и т.д. Внутренний мир героини А. Ельцовой, несмотря на преобладающую интровертированность и чувствительность, отличается строгостью и категоричностью высказываний: «Ме гортын и ог бергөдчы нин бөр» – «Я дома и не вернусь уже назад» («Ме муні гортө...» – «Я шла домой...», 1997), «Но тэно некодлы ме ог сет» – «Но тебя никому я не отдам» («Тэнад сьөлөмө туй» – «Путь к твоему сердцу», 1997), «Сөмын тай некор оз мыччысь / Шондікөд войыслөн пи. / Нэмтө көть сійөс тэ виччысь – / Шудыс оз мыччывлы ки» – «Только никогда не появится / Вместе с солнцем сын ночи. / Хотя целый век ты его жди – / Счастье не протянет руки» («Тэкөд ми...» – «С тобою мы...», 1997), «Шудыс абу, а чайтлім – эм» – «Счастья нет, а думали – есть» («Коркө» – «Когда-то», 1997). В данном случае, антитеза раскрывает потребность героини доминировать в своей жизненной позиции и утверждать саму себя через позицию несогласия, отрицания и сопротивления: «Меным некор сійөс не суны, / А ме котөрта мырдөн сы бөрся» – «Мне никогда его не достигь, / А я через силу бегу за ним» («Төдтөм чужөмьяс, дзормөм синьяс...» – «Незнакомые лица, поседевшие глаза...», 1997). Повторы, двойное отрицание усиливают ощущение данного противодействия, сопровождаемого ощущением безысходности и безнадежности: «Колис помөдзыс ютөмөн төв, / Кодөс некоді сідз эз и раммөд» – «Остался так и ненасытившимся ветер, / Которого так никто и не усмирил» («Стөкан пыдөсын – көдзалөм чай» – «На дне стакана – остывший чай», 1997); «Нинөм, дзик нинөм, мый лов вылад вөлөма, / Некор оз вун» – «Ничто, совершенно ничто, что было в душе, / Никогда не забудется» («Онишмөм төвруыс корьяссө легөдө...» – «Осоловелый ветер шевелит листья...», 1997); «И өні нинөм нин он веж» – «И теперь ничего уже не изменишь» («Вот аддзан...» – «Вот видишь...», 1997). Причина такого нигилистического, на наш взгляд, противостояния¹, заключена в особенностях психологического склада лирической героини: перед нами своеобразное переплетение таких черт характера как настойчивость,

¹ Нигилизм определяется как мировоззренческая позиция, которая проявляется в отрицании общепринятых ценностей. Психологи обосновывают данное явление внутреннего мира человека как один из механизмов психологической защиты. «Нигилизм многолик <...> в зависимости от того, какие ценности отрицаются. <...> Характерным признаком нигилизма является не объект отрицания <...> а степень, т.е. интенсивность, категоричность и бескомпромиссность этого отрицания – с преобладанием субъективного, чаще всего индивидуального начала. Здесь выражается <...> явно преувеличенное сомнение в известных ценностях и принципах. При этом, как правило, <...> “отсутствие какой-либо позитивной программы”...» [Нигилизм как общесоциальное явление, 2001, с. 376–379].

упорство, непреклонность, некоторая социальная обособленность и объективного столкновения с несовершенной реальностью. Неслучайно коми литературовед В.А. Латышева охарактеризовала состояние внутреннего мира героини А. Ельцовой как «полное застывших желаний» [Латышева, 2005, с. 116]. Как справедливо отмечает Т.Л. Кузнецова, столкновение романтического стремления героини к идеальному с более суровой действительностью находит в лирике поэтессы выражение в форме антитезы [Кузнецова, 2003, с. 111]. Мечта в столкновении с реальностью зачастую приобретает в лирике поэтессы характер неожиданного и непредсказуемого вопреки ожиданиям героини поворота событий, формирующего атмосферу трагического фатума: «Ме пыр вичыси. Вичыси. Вичыси. / А тэ донанад сідз эн и шу» – «Я все ждала. Ждала. Ждала. / А ты дорогой так и не назвал» («Тэно ачымос воштымон корси ме...» – «Тебя саму, потеряв, искала я...», 1997); «А тэ локтін – абу Ен ни зарни, / А тэ локтін, шудьяой, дзик мёд» – «А ты пришло – не Бог и не золото, / А ты пришло, счастье мое, совсем другое» («Тэно ёмой» – «Тебя ли...», 1997); «Жар бипурыслы лолос ассыым кёсий сетны, / Да бипурыс тай вёлёма нин кын...» – «Жаркому костру хотела отдать свою душу, / А костер оказывается уж был остывшим» («Вай олыштамой чов» – «Давай побудем в тишине», 1997).

Романтические черты характера героини находят выражение не только в возможности соприкоснуться с идеальным, но и в ее самопрезентации посредством сопоставления-антитезы: она не находит сходства с собой в окружающем мире, ощущает себя не просто иной, но однозначно противоположной:

Тэ увган, гым-чардыслон пи –	Ты шумишь, сын грома и молнии –
Ме лоня нуа ассыым ваёс.	Я же степенно несу свои воды.
(«Ми тэкёд – кык ю», 1997)	(«Мы с тобою – две реки», 1997);

Антитеза в лирике поэтессы раскрывает две составляющие концепции жизни ее лирической героини: это ценность объективной закономерности земной жизни в непрерывности ее поступательного движения и страх перед преходящим, недолговечным, временным. Закономерное использование противительных союзов («сёмын» – «только», «но», «а») дают возможность передать текучесть, изменчивость и непрерывность жизни: «Тадз он и тёдлы, гожом шорын / Друг аддзан: гогор еджыд лым <...> / Здук сайын вёли шуд да радлом / А со нин кыпыдлунлы пом» – «Так и не заметишь, как среди лета / Вдруг видишь: вокруг один лишь белый снег <...> / Мгновение назад было счастье и радость / И вот уже воодушевлению конец» («Кад» – «Радость», 1997);

Мый шулін тэ,	Что говорил мне ты,
ог вермы ёні казъывны,	не вспомню уж сейчас,
А чайтсис сэк,	Казалось же тогда –
мый тэын сёмын бур.	в тебе лишь смысл.
(«Мый шулін тэ...», 1997)	(«Что говорил мне ты...», 1997)

В целом, воссоздание мира героиней А. Ельцовой посредством антитезы раскрывает ее стремление структурировать его, задать ему форму, выражает отказ от хаоса и неупорядоченности не только в нем, но и в своем понимании его, а потому для нее свойственно обоснованное деление событий, мест и явлений жизни на существующие и не существующие («А туйыс – абу либё эм» – «А дорога либо есть, либо нет ее»), положительные и негативные, чужие (город, местность за пределом республики) и родственные (малая родина, коми республика). Антитеза в лирике поэтессы – явление психологического, а потому чрезвычайно глубокого характера, т.к. посредством нее художественное мышление А. Ельцовой стремится к полноценному осмыслению закона единства и борьбы противоположностей,

к осмыслению сосуществования и взаимозаменяемости разнородного. Так, в стихотворении «Ми тэкд – кык ю» («Мы с тобою две реки», 1997) ощущение единства героини с миром, формируемое за счет самовыражения посредством личного местоимения мн. числа («мы»), сосуществует наравне с противопоставлением: «и 6ттш6ттш 6ткодъ6сь и абу» («одновременно одинаковые и разные»), что выражает одновременное ощущение героиней собственной взаимосвязи с окружающим миром и в то же время индивидуальной неповторимости собственной судьбы.

Таким образом, можно отметить, что антитеза – это универсальный прием с разной функциональной значимостью. В лирике А. Ельцовой антитеза в восприятии мира становится следствием ее реакции на события и явления несовершенного мира, формой выражения собственного несогласия с ним, формой психологической защиты, приемом, организующем поэтическую речь героини. Антитеза в лирике А. Ельцовой – это явление в большей степени психологического характера, в то время как в ранней лирике А. Мишариной – способ изображения, воплощающийся в композиции (прием построения объективной картины мира). В лирике ранней А. Мишариной – это средство достижения истины через спор, в лирике А. Ельцовой – средство противопоставления собственной позиции общепринятой точке зрения. Мысль о диалектичности мироустройства, воплощенная в творчестве поэтесс при помощи антитезы, также имеет различную мотивированность: героиня ранней А. Мишариной мыслит общественной (социальной) жизнью, ее антитеза основывается на контрастах будничной жизни, антитеза же А. Ельцовой тяготеет к воплощению собственного внутреннего мира. Прием инвертируется, психологизируется при появлении внутренних противоречий во внутреннем мире лирической героини (поздняя лирика А. Мишариной). Таким образом, антитеза определяется в контексте рассмотренных нами стихотворений как средство утверждения ценности жизни в ее диалектичности, средство поиска самой себя в собственных внутренних противоречиях и средство самоутверждения через позицию нигилистического сопротивления существующей несовершенной реальности.

Литература

Бараков В.Н. «Почвенное» направление в русской поэзии 50–60-х гг. (идейно-эстетические искания, эволюция, тип лирического героя) // Почвенное направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция. Вологда, 2004.

Ванеев А.Е., Демин В.Н. Современная коми литература // История коми литературы: В 3-х т. / Отв.ред. А.Е. Ванеев, В.И. Мартынов. Сыктывкар, 1981. Т. 3. С. 168–176.

Горланов Г.Е. Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a338.php> (дата обращения: 05.10.2012).

Зарецкая Е.Н. Речевая выразительность фигур // Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. М., 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sbiblio.com/biblio/archive/ritorika/22.aspx> (дата обращения: 25.10.2012).

Зорин П. О противоположностях // Санкт-петербургский центр исследований сознания человека. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://soznanie.spb.su/articles/2440/> (дата обращения: 06.10.2012).

Кузнецова Т.Л. Ас визь6н мунны-восьлавы... (А. Ельцовал6н кывбурьяс йлысь) // Т.Л. Кузнецова Литература с6вман туйяс: гыжысь да кад (Статья чук6р). Сыктывкар, 2003. С. 110–114.

Латышева В.А. Женская лирика коми // Латышева В.А. Классики и современники: Сборник статей о литературе. Сыктывкар, 2005. С. 114–132.

Нигилизм как общесоциальное явление // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2001. С. 376–379.

Песков А.М., Турбин В.Н. Антитеза // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 33–34.

Попов С.В. «Идут по России реформы...» (размышления невольного участника) // Кентавр. 1992. № 2, 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://v2.circleplus.ru/kentavr/n/6/006PPV0> (дата обращения: 21.10.2012).

Спэнкерен К., ванн. Краткая история американской литературы»: традиционализм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/spankeren/38.php (дата обращения: 07.10.21012).

Юшков Г. Правда жизни – правда литературы» // Красное знамя. 1961. 12 ноября.